

Секция «Юриспруденция»

Институт крайней необходимости в российском уголовном праве: историческая эволюция и современное понимание юридической природы

Кучеренко Людмила Анатольевна

Студент

Адыгейский государственный университет, юридический, Майкоп, Россия

E-mail: lyuda872002@mail.ru

Крайняя необходимость является традиционным как для отечественного, так и зарубежного уголовного права институтом. Так, в несовершенной форме крайняя необходимость была знакома римскому праву, впоследствии праву каноническому, и, наконец, получила признание в германском уголовно-судебном уложении Карла V. <?xml:namespace prefix = o ns = "urn:schemas-microsoft-com:office:office" />

В результате рецепции из Каролины соответствующие нормы были закреплены в Артикуле Воинском Петра I. В более ранних отечественных юридических документах, - Уставе Ярослава, Псковской судной грамоте (Розин Н.Н.; 1898), Соборном уложении 1649 года (Таганцев Н.С.; 1993) также имеются Отрывочные постановления о крайней необходимости. В Уголовном уложении 1845 года крайняя необходимость относилась к правоотношениям о защите жизни, позднее, в Уложении 1903 года область применения была расширена. По УК РСФСР 1922 года крайняя необходимость относилась только к случаям спасения личных и имущественных интересов отдельного гражданина, что соответствует дореволюционной традиции, в УК 1960 года крайняя необходимость стала относиться и к случаям защиты интересов государства и общества.

Назначение крайней необходимости советскому законодателю виделось в защите общественных интересов, и, как следствие преступность содеянного исключалась по основанию отсутствия общественной опасности, более того, причиненный вред расценивался как «общественно нейтральный», «общественно полезный» (И.И. Слуцкий). В то же время дореволюционной доктриной действия в состоянии крайней необходимости рассматривались как противоправные, но «извинительные и ненаказуемые» (Н.С. Таганцев), а само состояние крайней необходимости признавалось одной из причин, «уничтожающих вменение» (И.Д. Сергеевский), не вносящее исключение «в общее правило противоправности деяния, но исключающее его наказуемость» (Н.Н. Розин).

Мы разделяем высказанное В.Н. Винокуровым мнение о том, что существенные различия в понимании юридической сущности крайней необходимости обусловлены рассмотрением разных по механизму и природе форм причинения вреда в целях устранения опасности. Дореволюционные ученые в основном рассматривали устранение лицом опасности в своих интересах, в то время как советская доктрина анализировала признаки крайней необходимости, при которой лицо причиняет вред правоохраняемым интересам с целью устранения вреда правам и интересам других лиц, обществу, государству.

Современный отечественный законодатель, закрепив, что причинение вреда в состоянии крайней необходимости не является преступлением, юридическую природу таких непроступных действий в тексте уголовного закона не раскрывает, в то время как в последние десятилетия в науке уголовного права наметились тенденции к пересмотру традиционных позиций относительно юридической природы правомерности деяний,

совершенных в состоянии крайней необходимости.

На наш взгляд интерес представляет теория «внешнего фактора», согласно которой по своей фактической сущности любое обстоятельство, исключающее преступность деяния, является воздействием негативного внешнего фактора на причинителя вреда; которое исключает признак не общественной опасности, а его противоправности. При этом причиненный вред считается допустимым при наличии предусмотренных законом оснований такой допустимости. Уголовный закон делает исключение, разрешая причинять вред охраняемым им интересам при наличии определенных обстоятельств, которые по своей природе являются исключающими признаком противоправности в общественно-опасном деянии.

Природа обстоятельств, исключающих преступность деяния, аналогичных закрепленным в действующем отечественном уголовном законе, зарубежным законодательством оценивается с позиции исключения уголовной ответственности. Подобный подход воспринят и формирующимся международным уголовным правом. В частности в тексте Римского Статута Международного уголовного суда 1998 формулировка «обстоятельство, исключающее преступность деяния» не встречается, и речь идет только об обстоятельствах, освобождающих от ответственности. При этом «вынужденная ответная реакция» Римского Статута сходная с отечественной крайней необходимостью, допускает реальное причинение большего вреда, чем вред предотвращенный, что крайняя необходимость не допускает.

В контексте теории «внешнего фактора», а также обсуждения вопроса о целесообразности поливариантного определения крайней необходимости в отечественном уголовном законе отметим, что в УК Австралии крайняя необходимость относится к числу обстоятельств, связанных с определенными внешними факторами, исключающими уголовную ответственность, в Германии выделяют два вида крайней необходимости - исключающей противоправность и исключающей вину.

Необходимо ли современному российскому уголовному праву выделение двух самостоятельных режимов правовой оценки причиненного вреда в рамках ст. 39 УК РФ при причинении вреда при устранении опасности собственным правам и интересам других лиц, общества и государства соответственно? Из компаративного анализа положений зарубежного законодательства следует, что при рассмотрении действий по защите интересов других лиц действительно наблюдается корреспонденция с известным германскому праву институту «необходимости, исключающей вины», - так называемым гибридом крайней необходимости и необходимой обороны, позволяющему лицу защищать не только свои права, но права других, пусть и ограниченных категорией близких лиц (Кузнецова Н.Ф., 2003), но в связи с тем, что конструкция состава преступления по немецкому уголовному праву существенно отличается от отечественной конструкции, в практическом плане немецкий опыт пока не может быть воспринят отечественным законодателем в рамках существующего в уголовно-правовой доктрине подхода к данному институту.

В заключении подчеркнем, что на практике ст. 39 УК РФ применяется крайне редко. В практике Верховного Суда Республики Адыгея таких примеров не имеется вовсе. Причиной является не отсутствие ситуаций, предусмотренных ст. 39 УК РФ, поскольку из двух вариантов поведения лица при коллизии охраняемых благ – безразличного отношения к ее разрешению и стремления предотвратить опасность наступления более

тяжких последствий указанная норма закона легализует и стимулирует второй вариант поведения, а неготовность сотрудников судебно-следственных органов к применению нормы, противоречивость теоретических рекомендаций по данному вопросу.

Проведенное исследование показало, что развитие крайней необходимости должно соответствовать предписаниям международного права, не искажая при этом сущности института, а внедрение зарубежного опыта должно происходить с учетом исторической традиции, присущей отечественному уголовному праву.

Литература

1. Кузнецова Н.Ф. Избранные научные труды. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
2. Розин Н.Н. О крайней необходимости.- СПб., 1898 // СПС «Система Гарант»
3. Таганцев Н.С. Русское уголовное право Т.1. – Тула, Автограф, 1993.
4. Энциклопедия уголовного права. Т.7. СПб., 2007.
5. Винокуров В.Н. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Рязань, 1999.

Слова благодарности

Автор благодарит к.ю.н., доцента Жидких И.В. за помощь в подготовке тезисов